

медиа. Активное использование современных информационно-коммуникативных технологий, и в частности, интернета, увеличивает возможности для пропаганды своих идеологических взглядов. Внедрение информационных технологий в новую политическую реальность позволяет политическим партиям вести конструктивный диалог и общественную дискуссию как со своими сторонниками, так и с политическими оппонентами. Глобальная функция виртуальной площадки – коммуникационная, осуществляется посредством информационного обмена между социально активными пользователями сети и партийными деятелями, что способствует формированию целевой аудитории потенциального электората. Политический процесс всегда требует информационного обеспечения и сопровождения, так как прежде всего СМИ способны реально осуществлять определенную ориентацию массовой аудитории, давая ей систематически и последовательно социально-политическую информацию, призванную формировать образ окружающего мира.

В современной Беларуси ни одна из существующих политических партий не обладает всей совокупностью данных ресурсов. Современная политическая жизнь показывает, что в нашей стране существует потребность в крупных политических партиях, которые бы, во-первых, ставили в своих программных документах цели и указывали средства их достижения, адекватные запросам и потребностям населения Беларуси в целом. А, во-вторых, предлагали эффективные решения как долгосрочных, так и ближайших задач. Важнейшая из этих задач – обеспечение устойчивого экономического роста страны.

Литература

1. Дюверже М. Политические партии: Пер. с фр. М.: Академический проект, 2000.
2. Политические партии: Беларусь и современный мир. / М. В. Чудаков [и др.]; под общ. ред. М. В. Чудакова. – Минск: Тесей, 2005. – 368 с.

Опыт реформирования системы высшего образования в Российской империи при министре народного просвещения С.С. Уварове (вторая четверть XIX в.)

Лепеш О.В.

Белорусский национальный технический университет

Самым крупным мероприятием министра народного просвещения С.С. Уварова в области системы высшего образования стало утверждение в 1835 г. «Положения об учебных округах» и «Общего устава Императорских российских университетов». По словам самого С.С. Уварова «Общий устав Императорских российских университетов» отвечал двум целям: «Во-первых, возвысить университетское учение до рациональной формы... доступной лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному поступлению на службу молодежи еще незрелой; во-вторых, привлечь в университеты детей высшего класса в Империи и положить конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами; уменьшить господство страсти по иноземному образованию, блестящему по наружности, но чуждому основательности и истинной учености...» [3, с. 244]. Согласно нововведениям, автономия университетов подвергалась значительному ограничению. Управление всеми учебными заведениями в учебном округе переходило от университетов к попечителю, который обязан был находиться в одном городе с университетом, мог возглавлять Совет университета (состоял из выборного ректора и профессоров – глав кафедр) и правление (занималось формированием бюджета университета, материально-технической базы, штатов, следило за порядком) [2, с.63].

Кардинальным новшеством университетского устава 1835 г. стала 80 статья, согласно которой министр народного просвещения получал право по собственному желанию назначать профессоров. Против этого положения выступил М.М. Сперанский, который рекомендовал министру просвещения предлагать Совету университета кандидатов на должности профессора через попечителя. «Действие будет тоже, - говорил Сперанский, - но не будет повода к укоризне в самовластии» [3, с. 243]. Сам С.С. Уваров объяснял лоббирование данного вопроса тем, что это позволит повысить качество преподавания в некоторых университетах и избежать профессорских интриг, когда в кадрово слабом коллективе вряд ли добровольно могли избрать квалифицированного коллегу. И именно в этом случае министр просвещения мог задействовать принудительные рычаги власти.

Однако, несмотря на ограничения, имевшие целью подчинение университетов более строгому контролю со стороны правительства, они все еще располагали достаточной академической самостоятельностью и пользовались уважением как научные институты. Как и раньше, на заседаниях кафедр распределялись среди профессорско-преподавательского состава учебные курсы и стипендии, обсуждались учебники и методика преподавания. Профессуру полностью освободили от

административных обязанностей для того, чтобы они сосредоточились исключительно на научной деятельности. Университетский Совет избирал ректора на 4 года, которого утверждал император, а также деканов факультетов при одобрении министра просвещения. Полномочия ректора были расширены. Теперь он получал право делать выговоры и замечания профессорам и чиновникам в случае замеченных с их стороны упущений [2, с. 65].

Совершенно обновлялась и факультетская организация. Университет должен был состоять из трех факультетов: философского, юридического, медицинского. Философский факультет имел еще и отделения – историко-филологическое и физико-математическое. Открытие историко-филологического отделения было обусловлено громадным интересом общественности к истории, анализу исторических источников, отечественной словесности, философии. Открытие второго из отделений философского факультета было связано с пониманием того, что научные открытия, достижения профессорско-преподавательского состава должны были качественно улучшить экономический потенциал Российской империи. С этой целью в уставе 1835 г. предусматривалось расширение программы всех университетов: в нее вводились агрономия, лесоводство, технология, архитектура. В новом бюджете выделялись средства на организацию и оснащение современных лабораторий, на закупку за границей оборудования, необходимого для обучения и научных исследований, на финансирование зарубежных командировок профессоров и стажировок студентов. Юридические факультеты были нацелены на подготовку квалифицированных чиновников, прекрасно ориентирующихся в правовых вопросах, которые следовали бы букве закона и являлись опорой для власти. По уставу 1835 г. число кафедр на медицинских факультетах, которые создавались в каждом университете, кроме Санкт-Петербургского, т.к. в столице имелась Медико-хирургическая академия, значительно увеличивалось. Возможно, расширение медицинского образования было связано с осознанием правительством важности профессии медика, особенно в связи с эпидемией холеры в начале 1830-х гг., вызвавшей небывалый уровень смертности и показавшей острую нехватку медицинского персонала. В целом, несмотря на усилия С.С. Уварова, во второй половине XIX в. Россия еще существенно отставала от Западной Европы по медицинскому обслуживанию. Например, в Италии один доктор приходился на 2 280 жителей, а в России – один на 18 000; в Англии был один военный хирург на 3 118 человек, а в России один на 12 400; в Пруссии одна больница приходилась на 22 000 населения, а в России на 176 000 [1, с. 204].

Когда С.С. Уваров вступил в должность, на территории Российской империи было всего 5 университетов: Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Казанский, Дерптский. При С.С. Уварове на посту министра народного образования был создан еще один университет – Киевский университет св. Владимира. Количество студентов министру народного просвещения во второй четверти XIX в. удалось удвоить, но этот показатель вряд ли мог удовлетворить потребность государства в квалифицированных кадрах. Почему в Российской империи незначительный процент населения мог получить высшее образование? Это было связано как с политическими (студенты всегда считались революционерами, неблагонадежными), так и с экономическими (государство не имело возможности отчислять серьезные финансовые средства на образование при наличии проблем в экономике и политике). Примерно треть учащихся в университетах пользовались государственными субсидиями, то есть получали жилье, питание и обучение бесплатно [1, с. 204]. По социальному составу треть студентов относились к высшему сословию и являлись сыновьями дворян, офицеров и духовенства [1, с. 203].

Учебный процесс для студентов был построен следующим образом. Студенты обязаны были посещать учебные занятия, в конце каждого года они сдавали экзамены по каждому предмету, чтобы перейти на следующий курс. На одном курсе можно было оставаться только два года, в случае непрохождения ежегодной аттестации грозило отчисление. За студентами университетов следили инспекторы, которые проверяли посещаемость занятий, следили за поведением студентов как в университетах, так и в пансионатах (там жили студенты, обучавшиеся за счет государственного бюджета) и наемных квартирах (там проживали студенты, которые получали образование на платной основе). Нарушителей правил внутреннего распорядка ожидало наказание от устного или письменного выговора до заключения в карцер на один день либо на все каникулы. Повторные либо серьезные проступки могли привести к исключению из университета для своекоштных студентов или к отправке в армию для казеннокоштных. Инспекторы сидели на экзаменах. Без их одобрения студенты не могли перейти на следующий курс обучения, получать награды, пользоваться финансовой поддержкой.

В целом, министру народного просвещения С.С. Уварову удалось изменить систему высшего образования, вывести университетское образование на новый уровень, несмотря на некоторое сужение автономии университетов как научных институтов.

Литература

1. Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время. - СПб.: Академический проект, 1999. - 350с.
2. Журнал Министерства народного просвещения. – 1835. - № 8.
3. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. – СПб, 1902. – 788с.

Демографическое развитие стран Балтии

Линкевич О.В., Вайнилович Э.Г.

Белорусский национальный технический университет

С момента обретения независимости странами Балтии прошло почти 30 лет. За этот период численность населения в этих государствах значительно снизилась. Кроме того, обозначились и иные проблемы демографического характера – снижение рождаемости, рост числа старшей возрастной группы, снижение числа трудоспособного населения, увеличение числа трудовых мигрантов. Региональная политика стран Балтии имеет общие черты, характерные для стран центральной и восточной Европы и, в целом, демографическая политика стран Балтии похожа на ту, что проводится в западноевропейских странах.

С 1992 года происходит депопуляция, вызванная отрицательным естественным приростом и массовые миграции. Страны Балтии относятся к стареющим государствам, потому как каждый четвертый житель находится в пенсионном или предпенсионном возрасте. С 2019 года решение демографической проблемы в Балтии связывают с притоком мигрантов, а не с репатриацией или стимулированием рождаемости.

В 2015 году Брюссель предоставил план, который предусматривал систему квот касательно распределения беженцев между странами Евросоюза, в 2017 году была принята вторая миграционная программа ЕС. Балтийские страны в целом, негативно относятся к приему мигрантов, они отказываются принимать беженцев в том количестве, о котором шла речь в Евросоюзе. Согласно озвученному в 2015 году Брюсселем плану, Латвия должна была принять 737 беженцев, Литва – 710, а Эстония – 1064